

ВОЗРАСТ ЗРЕЛОСТИ

Ванде Козакевич

I

Посреди улицы Верцингеторига какой-то верзила схватил Матье за руку; на другой стороне по тротуару прохаживался полицейский.

— Дай мне что-нибудь, шеф, я хочу есть.

У него были близко посаженные глаза, из толстогубого рта разило алкогolem.

— А может, выпить? — спросил Матье.

— Ну что ты, старина, что ты, ей-богу, нет, — заплетающимся языком пробубнил верзила.

Матье нашарил в кармане монету в сто су.

— Да мне на это наплевать, — успокоил его Матье, — это я так, к слову.

И протянул монету.

— Молодец, — забормотал, прислоняясь к стене, верзила. — Сейчас я пожелаю тебе что-нибудь потрясающее. Скажи-ка, чего тебе пожелать?

Оба они задумались, потом Матье сказал:

— Чего хочешь.

— Ну ладно, пожелаю тебе счастья, — изрек верзила, — вот так!

Он победоносно засмеялся. Матье увидел, что полицейский приближается к ним, и встревожился за пьянчугу.

— Ну, хватит, — поторопил он его. — Прощай!

Он хотел уйти, но верзила его задержал.

— Одного счастья мало, — сказал он мягко, — это мало.

— Что ты имеешь в виду?

— Хочу тебе что-нибудь подарить...

— Сейчас я задержу тебя за попрошайничество, — пригрозил полицейский.

Он был совсем молодой, розовощекий, но пытался напустить на себя суровость.

— Ты уже полчаса пристаешь к прохожим, — добавил он неуверенно.

— Он не попрошайничал, — живо возразил Матье, — мы просто разговаривали.

Полицейский пожал плечами и отправился своей дорогой. Верзила основательно шатался; казалось, он даже не заметил полицейского.

— Придумал, что тебе подарить. Подарю тебе марку из Мадрида.

Он вынул из кармана зеленый картонный прямоугольник и протянул его Матье. Матье прочел надпись на испанском и французском:

«С.П.Т. Конфедеральный ежедневник. Оттиск 2. Франция. Анархосиндикалистский комитет, 41, улица Бельвиль. Париж XIX». Марка была приклеена под адресом. Она была тоже зеленая, с мадридским штемпелем. Матье протянул руку:

— Большое спасибо.

— Осторожно! — прорычал верзила. — Это же... это же из Мадрида!

Матье посмотрел на него: у того был взволнованный вид, он делал отчаянные усилия, чтобы выразить свою мысль. Потом отказался от этого и только повторил:

— Из Мадрида!

— Я понял.

— Клянусь тебе, я хотел туда поехать. Да не удалось.

Он помрачнел, сказал: «Подожди», — и медленно провел пальцем по марке.

— А теперь можешь ее взять.

— Спасибо.

Матье сделал несколько шагов, но субъект окликнул его:

— Эй!

— Чего тебе? — спросил Матье.

Тот показал ему издали монету.

— Тут один тип дал мне сто су. Хочешь, угощу тебя ромом?

— Как-нибудь в другой раз.

Матье ушел со смутным сожалением в сердце. В его жизни был период, когда он бесцельно слонялся по улицам и по барам и первый встречный мог его куда-нибудь пригласить. Теперь с этим покончено: к чему? Но типчик попался презабавный. Он собирался сражаться в Испании. Матье ускорил шаг и с раздражением поду-

мал: «Так или иначе, нам нечего было сказать друг другу». Он вытащил из кармана зеленую открытку: «Она из Мадрида, но адресована явно не ему. Вероятно, кто-то ему ее дал. Перед тем как подарить, он много раз потрогал ее — еще бы, она пришла из Мадрида! На его физиономии было написано странное волнение». Матье, в свою очередь, на ходу посмотрел на марку, затем опустил картонный прямоугольник в карман. Раздался гудок локомотива, и Матье подумал: «Я уже старик».

Было без двадцати пяти одиннадцать; Матье пришел раньше условленного срока. Он прошагал, не останавливаясь и даже не поворачивая головы, мимо маленького голубого домика. И все же искоса посмотрел на него: все окна были темны, кроме окна мадам Дюффе. Марсель еще не успела открыть входную дверь. Она сейчас склонялась над матерью и грубыми мужскими движениями устраивала ее в большой кровати с балдахином. Матье был мрачен, он думал: «Пятьсот франков, а ведь надо дотянуть до двадцать девятого, это по тридцать франков в день, даже меньше. Как я управлюсь?» Он повернул и пошел обратно.

В комнате мадам Дюффе свет погас. Через какое-то время осветилось окно Марсель; Матье пересек мостовую, прошел мимо бакалейной лавки, стараясь не скрипеть новенькими подошвами. Дверь была приоткрыта; он слегка толкнул ее, она скрипнула: «В среду принесу масленку и смажу петли». Он вошел, закрыл дверь, в темноте разулся. Ступеньки слегка поскрипывали: Матье осторожно поднялся по лестнице, держа в руках туфли; он нащупывал каждую ступеньку ногой, прежде чем стать на нее. «Какой фарс», — подумал он.

Марсель открыла дверь раньше, чем он добрался до площадки. Розовый, пахнущий ирисом пар просочился из комнаты и распространился по лестнице. Марсель была в зеленой рубашке. Матье увидел просвечивавшую сквозь нее нежную и массивную округлость ее бедер. Он вошел; ему всегда казалось, что он входит в раковину. Марсель заперла дверь на ключ. Матье направился к большому шкафу, встроенному в стену, открыл его и поставил туда свои туфли, потом посмотрел на Марсель и почувствовал что-то неладное.

— Что-нибудь не так? — тихо спросил он.

— Нет, все в порядке, — тихо отозвалась Марсель, — а у тебя?

— Все в норме.

Он поцеловал ее в шею и в губы. Шея пахла амброй, а губы — обыкновенным дешевым табаком. Пока Матье раздевался, Марсель присела на край кровати и рассматривала свои ноги.

— А это что? — спросил он.

На камине стояла фотография, которую он еще не видел. На ней была стройная девушка, причесанная под мальчика, со строгой и застенчивой улыбкой. На девушке был мужской пиджак и туфли без каблуков.

— Это я, — сказала Марсель, не поднимая головы.

Матье обернулся: Марсель задрала рубашку над полными бедрами; она наклонилась вперед, и Матье угадывал под рубашкой нежность ее тяжелой груди.

— Где ты ее отыскала?

— В альбоме. Она снята летом двадцать восьмого года.

Матье аккуратно свернул пиджак и положил его в шкаф рядом с туфлями. Он спросил:

— Ты теперь смотришь семейные альбомы?

— Нет, но сегодня, не знаю почему, мне захотелось снова найти что-то из моей прежней жизни, какая я была до того, как узнала тебя, когда я еще была здорова. Дай ее мне.

Матье протянул ей фотографию, и она вырвала ее у него из рук. Он сел рядом. Марсель вздрогнула и немного отодвинулась. Она рассматривала фотографию, неопределенно улыбаясь.

— А я тут забавная, — наконец сказала она.

Девушка стояла напряженно, облокотившись о садовую решетку. Рот ее был полуоткрыт; должно быть, она тоже говорила: «А я забавная», — говорила так же неловко и напряженно, с таким же скромным вызовом. Только тогда она была молодой и худощавой.

Марсель покачала головой.

— Забавно! Забавно! Меня снял в Люксембургском саду студент-фармаколог. Видишь эту блузку? Я ее в тот же день купила, потому что в следующее воскресенье намечалась большая прогулка в Фонтебло. Боже мой...

Нет... Определенно, что-то случилось. Никогда ее движения не были такими резкими, а голос таким грубым, таким мужским. Она сидела в глубине розовой комнаты на краю кровати, больше, чем обнаженная, — незащищенная, как большая китайская ваза, и было мучительно слушать, как она говорит низким голосом и пахнет острым звероватым запахом. Матье взял ее за плечи и притянул к себе.

— Ты жалеешь о том времени?

Марсель сухо ответила:

— О том времени нет: я жалею о несостоявшейся жизни.

Когда-то она была погружена в свои занятия химией, но болезнь прервала их. Матье подумал: «Такое впечатление, что она злится на меня». Он открыл было рот, чтобы спросить Марсель об этом, но увидел ее глаза и промолчал. Она разглядывала фотографию грустно и напряженно.

— Я растолстела, да?

— Да.

Марсель пожала плечами и бросила фотографию на кровать. Матье подумал: «А ведь действительно жизнь у нее не сложилась». Он хотел поцеловать ее в щеку, но она, нервно усмехнувшись, мягко воспротивилась этому и сказала:

— С тех пор прошло десять лет.

Матье подумал: «Я ей ничего не даю». Он приходил к ней четырежды в неделю; он подробно рассказывал о своих делах, она давала ему советы серьезным и категоричным тоном и часто говорила: «Я живу чужой жизнью». Он спросил:

— Что ты делала вчера? На улицу выходила?

Марсель сделала усталый округлый жест.

— Нет, я слишком утомилась. Немного почитала, но мама все время приставала с магазином.

— А сегодня?

— Сегодня выходила, — угрюмо сказала она. — Захотелось подышать свежим воздухом, потолкаться среди людей. Я дошла до улицы Гэтэ, чтобы развеяться; затем решила повидать Андре.

— Ты была у нее?

— Да, минут пять. Когда я вышла от нее, начался дождь, странный нынче июнь, и потом у людей были такие гнусные рожи... Я взяла такси и вернулась...

Она вяло спросила:

— А ты?

Матье не хотелось распространяться. Он сказал:

— Вчера пошел в лицей прочитать последние лекции. Обедал у Жака; как всегда, это было невыносимо скучно. Сегодня утром зашел в бухгалтерию — узнать, не могут ли мне дать аванс. Оказывается, это не положено. Тем не менее в Бовэ я обо всем договорился с управляющим. Потом я встречался с Ивиш.

Марсель подняла брови и внимательно посмотрела на него. Матье не любил говорить с ней об Ивиш. Он добавил:

— Она сейчас не в духе.

— Это почему?

Голос Марсель окреп, лицо ее приняло разумное мужское выражение; сейчас у нее был вид толстого левантинца. Он процедил сквозь зубы:

— У нее переэкзаменовка.

— Но ты мне говорил, что она занимается.

— Да... на свой лад, то есть она часами сидит над книгой, не шевелясь, но ты ведь знаешь, какая она: у нее, как у душевнобольных, бывают приступы. В октябре она выучила по ботанике все, и экзаменатор был доволен, а потом она вдруг поняла, что сидит перед лысым типом, говорящим с ней о кишечнополостных. Ей это показалось смешным, она подумала: «Плывать я хотела на кишечнополостных», — и лысый не смог уже вытянуть из нее ни слова.

— Странная барышня, — задумчиво сказала Марсель.

— Во всяком случае, я боюсь, что она повторит этот номер. А нет, так еще что-нибудь учудит, вот увидишь.

Что означал этот его тон, тон снисходительного равнодушия — разве не ложь? То, что можно было выразить словами, он выражал. «Но что такое слова!»

С минуту он поколебался, потом обескураженно опустил голову: Марсель знала все о его чувстве к Ивиш, она даже смирилась бы с этой любовью. Требовала она только одного: чтобы он говорил об Ивиш именно таким тоном. Матье, не переставая, поглаживал ее по спине, и Марсель начала помаргивать: она любила, когда он гладил ее по спине, особенно по пояснице и между лопаток. Но внезапно она высвободилась, лицо ее посуровело. Матье сказал ей:

— Послушай, Марсель, мне плевать, что у Ивиш переэкзаменовка, она не больше меня годится для медицины. Как бы то ни было, если сейчас у нее и выгорит, в следующем году ей станет дурно при первом же вскрытии, и ноги ее больше не будет на факультете. Но если на этот раз она провалится, то наделает глупостей. Тем более что в случае провала ее семья запретит ей пробовать еще раз.

Марсель спросила его с расстановкой:

— Какие именно глупости ты имеешь в виду?

— Не знаю, — растерянно пробормотал он.

— Бедняга, как хорошо я тебя изучила. Ты никогда этого не признаешь, но ты боишься, что она продырявит себе пулей шкуру. И он еще заявляет, что ненавидит романтику. Скажи, пожалуйста, ты что, никогда не видел ее кожи? Да ее можно пальцем проткнуть. И ты воображаешь, что куколки с такой кожей будут портить себя выстрелом из револьвера? Я еще могу представить, как она рухнет на

стул, волосы свисают на лицо, как она смотрит замороженным взглядом на лежащий перед ней маленький браунинг, — все это очень по-русски. Но представить другое — нет, нет и нет! Револьвер, дружок, предназначен для такой крокодильей кожи, как моя.

Она приложила свою руку к руке Матье. У него кожа была белее.

— То ли дело моя. Погляди-ка, ни дать ни взять сафьян.

Она засмеялась:

— Из меня вполне можно сделать шумовку, ты как думаешь? Я легко представляю себе под левой грудью прелестную круглую дырочку, красенькую, с четкими и чистыми краями. Это не было бы противно.

Она все еще смеялась. Матье закрыл ей рот ладонью:

— Замолчи, разбудишь старуху.

Марсель замолчала. Он сказал ей:

— Какая ты взвинченная!

Она не ответила. Матье положил руку ей на бедро и нежно погладил его. Он любил эту плоть, мягкую под ласками, как масло, с легкими, будто подрагивающими волосками. Марсель не шевелилась: она глядела на руку Матье. Матье убрал руку.

— Посмотри на меня, — сказал он.

На мгновение он увидел круги у нее под глазами, ее надменный и безнадежный взгляд.

— Что с тобой?

— Ничего, — отрезала она, отворачиваясь.

И всегда с ней так: она напряжена. Скоро она не в силах будет сдерживаться: ее прорвет. Остается только заполнить чем-нибудь время и ждать. Матье терпеть не мог этих безмолвных взрывов: страсть в этой комнате-раковине была непереносима, потому что ее нужно было выражать тихим голосом и без резких движений, чтобы не разбудить мадам Дюффе. Матье встал, подошел к шкафу и взял из кармана пиджака картонный прямоугольник.

— Взгляни-ка.

— Что это?

— Какой-то тип сунул только что на улице. У него была симпатичная физиономия, и я дал ему немного денег.

Марсель безразлично взяла открытку. Матье почувствовал себя чем-то связанным с тем человеком, чем-то вроде сообщничества. Он добавил:

— Знаешь, для него это, видно, что-то важное.

— Он анархист?

— Не знаю. Он предложил мне выпить.

— И ты отказался?

— Да.

— А почему? — небрежно спросила Марсель. — Наверное, это было бы занятно.

— Не думаю, — сказал Матье.

Марсель подняла голову, близоруко и насмешливо смотря на настенные часы.

— Когда ты рассказываешь такое, — сказала она, — это мне действует на нервы. Скажу одно: твоя жизнь полна упущенных возможностей.

— И это, по-твоему, упущенная возможность?

— Да. Раньше ты сделал бы все, что угодно, чтобы спровоцировать подобную встречу.

— Возможно, я немного изменился, — добродушно сказал Матье. — Что ты имеешь в виду? Что я постарел?

— Тебе тридцать четыре года, — просто сказала Марсель.

Тридцать четыре. Матье подумал об Ивиш и испытал легкую досаду.

— Да... Но я отказался скорей из щепетильности. Понимаешь, я не в курсе этих дел.

— Сейчас ты редко бываешь в курсе, — заметила Марсель.

Матье живо добавил:

— Впрочем, он тоже не был в курсе: когда человек пьян, он невольно впадает в патетику. Этого я и хотел избежать.

Он подумал: «Это не совсем верно. Об этом я не размышлял». Он старался быть искренним. Матье и Марсель договорились всегда говорить друг другу все.

— Видишь ли... — начал он.

Но Марсель рассмеялась. Тихое и нежное воркование, как в те минуты, когда она гладила его по голове, приговаривая: «Мой бедный мальчуган». Однако вид у нее был неласковый.

— Узнаю тебя, — сказала она. — Ты боишься патетики! И все-таки, наверно, ты мог бы быть немного патетичен с этим парнем? Что в этом дурного?

— Ну и что это дало бы мне? — спросил Матье.

Он защищался от себя самого.

Марсель неприветливо улыбнулась. «Она меня достает», — рассеянно подумал Матье. Он был настроен миролюбиво, немно-

го отупел, пожалуй, был в хорошем настроении и не хотел спорить.

— Послушай, — сказал он, — ты не права, что придаешь такое значение этой истории. Да у меня и времени не было: я шел к тебе.

— Ты совершенно прав, — сказала Марсель. — Это пустяк. Просто пустяк, яйца выеденного не стоит... Но тем не менее это симптоматично.

Матье вздрогнул: только бы она не употребляла эти отвратительные словечки.

— Ну, выкладывай, — сказал он. — Что ты тут видишь такого интересного?

— Ну, — ответила она, — во всем виновата твоя знаменитая трезвость. Ты забавен, старина, ты так боишься обмануть сам себя, что скорее откажешься от самого прекрасного приключения на свете, чем рискнешь солгать себе.

— Ну да, — сказал Матье, — ты это хорошо знаешь. Это давно так.

Он считал, что она несправедлива. При чем тут «трезвость»? (Он ненавидел это слово, но Марсель с некоторых пор стала его употреблять. В прошлом году вместо него было слово «поспешность»: слова держались не дольше сезона.) Эту «трезвость» они культивировали вместе, они были за нее в ответе один перед другим, это и было глубинной сутью их любви. Когда Матье принял свои обязательства по отношению к Марсель, он навсегда отказался от мыслей об одиночестве, от свежих тенистых внезапных мыслей, которые когда-то у него возникали с затаенной живостью рыбок. Он мог любить Марсель только в абсолютной трезвости: она была его трезвостью, его товарищем, свидетелем, советчиком и судьей.

— Если бы я врал себе, — сказал он, — мне бы казалось, что одновременно я вру и тебе. Это было бы для меня невыносимо.

— Да, — сказала Марсель.

У нее был не очень убежденный вид.

— Ты, кажется, думаешь иначе.

— Да, — вяло подтвердила она.

— Думаешь, я лгу?

— Нет... но с тобой никогда нельзя быть до конца уверенной. Только знаешь, что я думаю? Что ты себя немного стерилизуешь. Я подумала об этом как раз сегодня. У тебя все так опрятно и чисто; пахнет стиркой, как будто бы тебя пропустили через стерилизатор.